DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-390-398

А. М. Ранчин

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Аннотация: В статье рассматриваются причины, по которым Ярославна в своем плаче скорбит по мужу князю Игорю Святославичу, но даже не упоминает о сыне Владимире, который также попал в плен к половцам. Доказывается, что отсутствие упоминания о Владимире не может быть объяснено реальными причинами и не имеет психологической мотивировки. Показано, что эта особенность плача Ярославны объясняется мифопоэтической природой «Слова о полку Игореве». Поражение и пленение Игоря в сказочном коде «Слова» изображается как счастливое возвращение из царства смерти, как воскресение. Владимир Игоревич, отчасти эквивалентный отцу в сюжете «песни», вслед за Игорем, убегающим из плена, посрамляющий Кончака и словно похищающий невесту из «тридесятого царства», все же не главный герой «Слова». В сюжете волшебной сказки удвоение центрального персонажа невозможно, а потому и Владимиру Игоревичу отводится роль маргинальная. Поэтому мать Ярославна и не оплакивает его.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», плач Ярославны, образ Владимира Игоревича, героический эпос, волшебная сказка, мифопоэтика.

A. M. Ranchin

FOR THE INTERPRETATION OF *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN*: THE MOURNING OF YAROSLAVNA AND HISTORICAL REALITIES

Abstract: The article discusses the reasons why Yaroslavna, in her lament, grieves for her husband, Prince Igor Svyatoslavich, but does not even mention her son Vladimir, who was also captured by the Polovtsy. It is proved that the lack of mention about Vladimir cannot be explained by real reasons and does not have psychological motivation. It is shown that this peculiarity of Yaroslavna's lament is explained by the mythopoetic nature of the *The Tale about Igor's Campaign*. Igor's defeat and captivity in the fairy-tale code of *The Tale* is depicted as a happy return from the realm of death, like a resurrection. Vladimir Igorevich, partly equivalent to the father in the plot of the "song", after Igor escaping from captivity, confusing Konchak and abducting the bride from the "kingdom of death", is not the protagonist of the Word, The doubling of the central character is impossible in the plot of the fairy tale, and Vladimir

Igorevich is given a marginal role. Therefore, his mother Yaroslavna does not mourn him.

Keywords: *The Tale about Igor's Campaign*, the mourning of Yaroslavna, the image of Vladimir Igorevich, the heroic epic, the fairy tale, mythopoetics.

В трагически закончившемся походе на половцев 1185 г., как известно, точно участвовали четыре князя: Игорь Святославич, его брат Всеволод, сын Владимир Игоревич и племянник Святослав Ольгович[1]. Все князья попали в плен. На первый взгляд было бы резонно ожидать, что Игорева жена Ярославна должна была бы плакать не только по мужу, но и по сыну Владимиру. А.В. Соловьев заметил по этому поводу: «Может встать вопрос: почему Ярославна не упоминает о сыне Владимире в своем плаче? На этом основании некоторые комментаторы утверждают, что она была его мачехой» [13, с. 381][2]. Однако, как убедительно доказал сам А.В. Соловьев, нет никаких оснований считать Владимира Ярославниным пасынком. Во-первых, из упоминания в Ипатьевской летописи под 6691 (1183) г. о шурине Игоря Владимире Ярославиче (брате Ярославны) отнюдь не следует, что Игорь именно в тот год с ним породнился: «Володимеръ же Галичькъıи . ни тамо ѡбрѣте собѣ покоя . приде к зѧти своѥмоу Поутивлю . ко Игореви Ст҃ославичю . тои же прия с любовью . и положи на немь чс҃ть великоу . и за двѣ лѣтѣ держа и оу себе . и на третьѥѥ лѣто введе и в любовь . со ѡц҃мь єго» [4, стб. 634]. (В летописной статье 1183 г. объединены разновременные события, принято считать, что Владимир искал помощи и покровительства у Игоря в 1184 г.) Во-вторых, притязания сыновей Игоря (в том числе и Владимира), родившихся задолго до 1184 г., на галицкий престол в начале XIII в. говорят о том, что их матерью была Ярославна, дочь Ярослава Галицкого (см.: [13, с. 378–382]). Эта точка зрения стала практически общепризнанной и в таковом качестве зафиксирована в «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» (см.: [6, с. 295–296]). Авторитетный современный

[1] Суздальская (Лаврентьевская) летопись сообщает, что Игорь выступил в поход не с одним сыном, а «съ двѣма сн҃ома», не называя их имен; см.: [9, стб. 396]. Следующим по возрасту после Владимира сыном Игоря был Олег. Достоверность этой информации является предметом дискуссии.

[2] Среди этих комментаторов был, например, Л.А. Дмитриев. См.: [11, с. 283].

историк упоминает как об общепризнанном факте о женитьбе Игоря на Ярославне задолго до 1184 г., исходя из вероятного года рождения Владимира Игоревича — 1170-го: «В 1169 или 1170 г. Игорь женился. Его супругой стала дочь галицкого князя Ярослава Владимировича (Ярослав Осмомысл «Слова о полку Игореве»)» [2, с. 13][3].

Версия о Ярославне — мачехе, а не матери Владимира Игоревича, отраженная в комментариях первого издания 1800 г.[4], — как показал О.В. Творогов (см.: [15, с. 48–49]), восходит к «Родословнику князей великих и удельных рода Рюрика», составленному Екатериной II, которая неверно поняла сообщение В.Н. Татищева[5], основанное на известии Ипатьевской летописи.

Таким образом, Владимир Игоревич точно был сыном Ярославны. Но тогда почему же она плачет лишь по мужу, но не по сыну? А.В. Соловьев предложил такое объяснение: «[О]твет прост: она особенно беспокоится о муже, услышав, что у него несколько ран (“утру князю кровавыя его раны”, призыв “за раны Игоревы”). О Владимире же она знает, что он не ранен, что он находится у невесты, ему хорошо, о нем волноваться нечего. Потому весь ее плач посвящен любимому мужу и его погибшему войску» [13, с. 381]. Однако эта трактовка опирается на подход к характеру персонажа, свойственный так называемой реалистической литературе, и на психологическую мотивировку поведения княгини — Игоревой жены. Между тем «Слово о полку Игореве» — мифопоэтическое произведение[6], и действия и переживания персонажей в нем мотивированы психологически лишь отчасти. Впрочем, эти соображения неубедительны даже в рамках «реалистического» подхода, к которому прибегает известный историк-медиевист. Согласно известию Ипатьевской летописи, Игорь в битве с половцами получил всего лишь одну рану в руку, видимо легкую, если он через какое-то время начал выезжать на охоту, а потом бежал на

[3] О времени рождения Владимира Игоревича см.: [13, с. 380].

[4] Игорь «женился в 1184 году на <...> дочери Князя Ярослава Володимировича *Галичьского*» [5, с. 1, примеч. (а)], курсив оригинала.

[5] «Владимир Ярославич Галицкий шурин Игорев изгнанный от отца <...> пришел к Дорогобужу к зятю своему Игорю» [14, с. 258]. У Татищева приезд Ярославнина брата к Игорю Святославичу отнесен к 1184 г.

[6] Эти свойства «Слова» были прекрасно показаны прежде всего в книге Б.М. Гаспарова, см.: [1].

Русь. Новгород-северский князь в плену не мог соблюдать христианские обряды (исповедоваться и причащаться), поэтому он, как сообщает Ипатьевская летопись, с дозволения половцев отправил на Русь гонца с просьбой прислать ему пресвитера: «попа же бѧшеть привелъ из Роуси к собѣ . со ст҃ою слоужбою» [4, стб. 650, л. 226 об.]. Очевидно, Ярославна должна была узнать от Игорева посланца, что ее муж жив и здоров и половцы относятся к нему с уважением и почтительностью. Летописец сообщает о положении князя в кипчакских кочевьях: «Половци же . аки стыдѧщесѧ воєвъдъства єго . и не творѧхоуть ємоу . но приставиша к немоу сторожовъ .еі҃ . ѿ сн҃овъ своихъ . а господичичевъ пѧть . то тѣхъ всихъ . к҃ . но волю ємоу даяхоуть . гдѣ хочеть . тоу ѣздѧшеть . и ястрѧбомъ ловѧшеть . а своих̑ слоугъ съ . е҃ . и съ . ѕ҃ . с нимь ѣздѧшеть . сторожевѣ же тѣ . слоушахоуть єго . и чьстѧхоуть єго . и гдѣ послашеть кого . бесъ прѧ . творѧхоуть повелѣное им̑ » [4, стб. 650, л. 226–226 об.].

Конечно, неясно, насколько была осведомлена *историческая* Ярославна о положении мужа и сына в плену до прихода гонца от Игоря. В «Слове» об этом ничего не сказано. В плаче героиня «песни» скорбит по мужу, словно по мертвому, убитому. Л.В. Соколова проницательно увидела в плаче Ярославны сказочный мотив воскрешения убитого героя с помощью мертвой и живой воды (в роли источника мертвой воды выступает река Каяла) (см.: [12]). Действительно, княгиня оплакивает мужа, словно мертвого, говорит о его ранах: «Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ» [8, с. 37–38].

Причина представления Игоря как покойника в «Слове» — конечно, не рана, полученная им в сражении с половцами, а использование автором в описании пленения и возвращения Игоря кода волшебной сказки, сложным образом сочетающегося с героическим, эпическим кодом (см. подробнее: [10]). В волшебных сказках герой отправляется в тридесятое царство, являющееся своеобразным аналогом мира мертвых (см.: [9]).

«Не поражение Игоря (поражение часто становилось темой эпического повествования, напомним в этой связи “Песнь о Роланде”), но его плен и, главное, бегство из плена <...> не укладывались в рамки героической песни. Использование же мотивов волшебной — “бога-

тырской" — сказки позволило описать реальные события, не снижая уровня идеализации главного героя: автор "переключает" восприятие читателя с одной традиции изображения на другую», — так объясняет использование сюжетных мотивов волшебной сказки Н.С. Демкова [9, с. 63–64]. Она справедливо отметила: «При внимательном рассмотрении текста "Слова" оказывается, что возвращение Игоря из половецкого плена описано в системе изображения волшебной сказки как возвращение из царства мертвых» [9, с. 62]. Исследовательница также указала на сходство орнитоморфных метаморфоз Игоря с превращениями сказочного героя, описанными В.Я. Проппом (см.: [9, с. 62]), однако не развила свои наблюдения[7].

В «Слове» Игорь представлен в двояком освещении, описан с помощью двух кодов — эпического и сказочного. Первый код используется в описании похода, он перестает «работать» после пленения князя: плен — не подобающая развязка для событий, в которых участвует эпический герой, тем более заявляющий, что смерть предпочтительнее неволи, как это говорит Игорь в начале «песни». Плен Игоря эквивалентен пребыванию сказочного героя в «тридесятом царстве» (которое, как известно, символизирует мир мертвых), далее повествование строится в соответствии с кодом волшебной сказки. В эпическом коде «Слова» своеобразным «заместителем» — двойником Игоря, манифестирующим его героическое начало, выступает брат Всеволод, в коде сказочном — сын Владимир, не только возвращающийся из половецких кочевий, но и, подобно удачливому персонажу волшебной сказки, приводящий с собой жену. Соотношение трех персонажей может быть представлено в виде схемы:

Всеволод [эпический код]
↑
Игорь
↓
Владимир [сказочный код]

[7] Развитие наблюдений Н.С. Демковой и новую интерпретацию ряда эпизодов «Слова» см. в моей статье: [10]. См. также: [1].

Поражение и пленение Игоря в сказочном коде «Слова» изображается как счастливое возвращение из царства смерти, как воскресение. Неудача превращена в посрамление врага, удвоенное благодаря «похищению», уводу дочери Кончака сыном Игоря Владимиром, замещающим отца в роли сказочного героя, одолевающего противника и женящегося на его дочери. Женитьба Владимира на Кончаковне эквивалентна «похищению драгоценного дара» героем мифа и волшебной сказки; в качестве такого дара в мифах и сказках может выступать невеста (см. об этом у Дж. Кэмпбелла: [7, с. 199]).

Очевидно, уход из половецких кочевий не был бегством и произошел с дозволения Владимирова тестя — проехать долгий и опасный путь через степь с младенцем, не имея сменных лошадей, запаса еды и воды и вооруженного эскорта, было очень тяжело. В Ипатьевской летописи о приходе Владимира на Русь сказано: «приде Володимѣрь . ис Половѣць . с Коньчаковною . и створи свадбоу Игорь сн҃ви своемоу . и вѣнча его и с дѣтѧтемь» [4, стб. 659, л. 228 об.]. Игорь, из плена действительно бежавший, как сообщает Ипатьевская летопись, потерял коня (видимо, загнал его) и последнюю часть пути до русских пределов — 11 дней — шел пешим: «пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ . и всѣде на конь . и тако поидоста сквозѣ вежа . се же избавлениє створи Гс҃ь . в пѧтокъ в вечерѣ и иде пѣшь . а҃i . денъ . до города Донцѧ» [4, стб. 651, л. 227]. Однако в «Слове» историческая реальность трансформируется благодаря сказочному сюжетному коду: возвращение Владимира подано как бегство, наносящее урон чести отца молодой жены — Игорева антагониста Кончака. Функции сказочного героя распределяются между Игорем и его сыном, а мотив возвращения дублируется: сначала из половецких кочевий тайно уходит Игорь, затем их покидает Владимир с Кончаковною, причем, как следует из реплики Гзака «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице» [5, с. 44], отнюдь не по соизволению тестя — в противном случае уход Владимира с женой не мог бы трактоваться как символическое поражение, нанесенное половцам.

Однако Владимир Игоревич, отчасти эквивалентный отцу в сюжете «песни», вслед за Игорем, убегающим из плена, посрамляющий Кончака и словно похищающий невесту из «тридесятого царства», все же не главный герой «Слова». В сюжете волшебной сказки удвоение центрального персонажа невозможно, а потому и Владимиру Игоре-

вичу отводится роль маргинальная. Поэтому и не плачет по нем мать Ярославна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. 608 с.
2 *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская…»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. 176 с.
3 *Демкова Н.С.* Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. С. 33–76.
4 Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
5 Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича <...>. М.: В Сенатской тип., 1800. VIII+46 с.
6 *Каган М.Д.* Ярославна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 295–297.
7 *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой / пер с англ. О.Ю. Чекчурина. СПб.: Питер, 2018. 352 с.
8 Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
9 *Пропп В.Я.* Морфология сказки. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1969. 168 с.
10 *Ранчин А.М.* Образы Игоря и Кончака в «Слове о полку Игореве»: структура текста и исторические факты // Россия XXI. 2019. № 2 . С. 110–127.
11 Слово о полку Игореве. Л.: Сов. писатель, 1952. 488 с.
12 *Соколова Л.В.* Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 39–47.
13 *Соловьев А.В.* Восемь заметок о «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 365–385.
14 <*Татищев В. Н.*> История Российская с самых древнейших времен <...> собранная и описанная <...> Васильем Никитичем Татищевым. М.: Императорский Московский ун-т, 1774. Кн. 3. 530 с.
15 *Творогов О.В.* На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи? // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 48–51.

REFERENCES

1 Gasparov B.M. *Poetika "Slova o polku Igoreve"* [Poetics of *The Tale of Igor's Campaign*]. Moscow, Agraf Publ., 2000. 608 p. (In Russian)
2 Gorskii A.A. "Vsego esi ispolnena zemlia Russkaia…": Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ia: Ocherki ["Russian land is full of all...": Personalities and mentality of the Russian Middle Ages: Essays]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. 176 p. (In Russian)

3 Demkova N.S. Problemy izucheniia "Slova o polku Igoreve" [Problems of studying the *The Tale of Igor's Campaign*]. Demkova N.S. *Srednevekovaia russkaia literatura: Poetika, interpretatsii, istochniki: Sbornik statei* [Medieval Russian literature: Poetics, interpretations, sources: Collection of articles]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1997, pp. 33–76. (In Russian)

4 Ipat'evskaia letopis' [The Ipatiev chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. Vol. 2. 648 p. (In Russian)

5 *Iroicheskaia pesn' o pokhode na Polovtsov udel'nogo kniazia Novagoroda-Severskogo Igoria Sviatoslavicha* <...> [The heroic song about the campaign of appanage Novgorod-Seversky prince Igor Svyatoslavich against the Polovtsians <…>]. Moscow, V Senatskoi tipografii Publ., 1800. VIII+46 p. (In Russian)

6 Kagan M.D. Iaroslavna [Yaroslavna]. *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of *The Tale of Igor's Campaign*: in 5 vols.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995, vol. 5, pp. 295–297. (In Russian)

7 Kempbell Dzh. *Tysiachelikii geroi* [The Hero with a Thousand Faces], transl. from English by O.Iu. Chekchurina. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. 352 p. (In Russian)

8 Lavrent'evskaia letopis' [Laurentian chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. Vol. 1. 496 p. (In Russian)

9 Propp V.Ia. Morfologiia skazki [The Morphology of Fairy Tale]. 2nd ed. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka" Publ., 1969. 168 p. (In Russian)

10 Ranchin A. Obrazy Igoria i Konchaka v "Slove o polku Igoreve": struktura teksta i istoricheskie fakty [Images of Igor' and Konchak in *The Tale of Igor's Campaign*]. *Rossiia XXI*, 2019, no 2, pp. 110–127. (In Russian)

11 *Slovo o polku Igoreve* [*The Tale of Igor's Campaign*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1952. 488 p. (In Russian)

12 Sokolova L.V. Motiv zhivoi i mertvoi vody v "Slove o polku Igoreve" [The motif of living and dead water in *The Tale of Igor's Campaign*]. *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1993, vol. 48, pp. 39–47. (In Russian)

13 Solov'ev A.V. Vosem' zametok o "Slove o polku Igoreve" [Eight Notes about *The Tale of Igor's Campaign*] *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian literature]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, vol. 20, pp. 365–385. (In Russian)

14 <Tatishchev V.N.> *Istoriia Rossiiskaia s samykh drevneishikh vremen <...> sobrannaia i opisannaia <...> Vasil'em Nikitichem Tatishchevym* [The History of Russia since oldest times collected and described <...> by Vasily Nikitich Tatishchev]. Moscow, Imperatorskii Moskovskii universitet Publ., 1774. Vol. 3. 530 p. (In Russian)

15 Tvorogov O.V. Na kom byli zhenaty Igor' i Vsevolod Sviatoslavichi? [Who Igor' and Vsevolod Svyatoslavich were married?] *Trudu Otdela drevnerusskoi literatury*

[Works of the Department of Old Russian literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1993, vol. 46, pp. 48–51. (In Russian)

Об авторе / About author

Андрей Михайлович Ранчин — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, 119991, г. Москва, Россия.

E-mail: aranchin@mail.ru

Andrey M. Ranchin — DSc in Philology, Assistant Professor, Professor of the Department of History of Russian Literature at the philological faculty at Lomonosov Moscow State University; Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, the 1st corpus of humanitarian faculties, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: aranchin@mail.ru